

XXXVII. Тут служители ввели нас всех, и истцов и ответчиков, перед лицо судей. Мой учитель обдумывал свою речь, а я внимательно разглядывал Асклепия и Гиппократ. Лица первого мне, однако, не удалось увидеть: оно было скрыто сверкающим покрывалом из золотых нитей, прозрачным лишь настолько, чтобы Асклепий мог все видеть, сам оставаясь невидимым — суетная гордыня терпящего пренебрежение божества. Гиппократ же напоминал араба в своей высокой, заостряющейся кверху чалме. На нем была одежда до полу, ничем не подпоясанная, сплошная от головы до пят, без выреза где бы то ни было; он носил длинную седеющую бороду и был, подобно стойкам, наголо острижен. Может быть, от него перенял такую манеру стричься Зенон, заповедавший ее и своим последователям. Пока я рассматривал судей, секретарь достал протокол и начал громко читать:

„Тимарион, сын Тимоника, обвиняет Оксибанта и Никтиона...“ Далее последовало все от начала до самого конца, и я вновь услышал о предварительном рассмотрении дела и о решении судей отложить его до того дня, когда Гиппократ и Асклепий будут присутствовать в совете.

По окончании чтения знаменитые врачи, посоветовавшись вполголоса друг с другом и пригласив также Эрасистрата принять в этом участие, некоторое время хранили молчание. Гиппократ прервал его и, метнув грозный взгляд на моих проводников, произнес: „Дайте ответ, Никтион и Оксибант, какой болезнью страдала душа Тимариона? Застали ли вы ее уже отторгнутой от тела? И не разобили ли насильственно с плотью, когда они были еще прочно связаны, чтобы низвести в эти пределы?“

XXXVIII. После краткого раздумья они стали оправдываться следующими словами: „Мы не совершили, искуснейший из врачей, ничего беззаконного или противоречащего установленным вашей наукой правилам. Ведь сами вы строжайше определили, что ни одно существо не может не только жить на земле, но даже родиться, не обладая четырьмя основополагающими элементами: кровью, слизью, желчью черной и желтой. Если же кто-нибудь из живых лишится одного из этих четырех элементов, он становится нежизнеспособным. Руководствуясь этим, мы несли на земле возложенную на нас службу и, когда узнали, что злополучный Тимарион в течение тридцати суток, не переставая ни днем, ни ночью, истекает желчью, почти всегда смешанной с кровью, заключили, умудренные своим искусством, что ему невозможно жить долее. В самом деле, как же у него после всего этого, при безостановочном поносе, могла сохраниться хотя бы часть этого основного жизненного сока? Поэтому-то не потребовалось никаких усилий, чтобы отделить душу Тимариона от тела. Стоило только прикинуть к его ноздрям, и мы без малейшего сопротивления, одним легким движением губ исторгли ее из глубин, ибо тело было обессилено длительной болезнью“.

Сказав это, Никтион и Оксибант смолкли, а служители судилища обратились к нам: „Изложите и вы, со своей стороны, что считаете нужным, но как можно короче, чтобы первый из врачей — бог врачевания Асклепий мог удалиться из совета, где он давно не был и куда по многу лет не приходит с тех пор, как причислен к сонму бессмертных и избегает общения с людьми“. Тут мой софист раздул щеки и начал так:

XXXIX. „Божественные судьи и славные князья науки! То, о чем ораторствовали эти низкие люди, привлекая, в ущерб справедливости,